

Структуры и связи

О роли синтаксиса в переводе

Когда говорят о критериях оценки перевода и, соответственно, о типах переводческих ошибок, основное внимание уделяют, как правило, ошибкам смысловым. Такой подход, например, отражен в программе курса перевода английского языка МГЛУ: при выведении оценки именно за смысловую ошибку начисляют больше всего «штрафных баллов». Конечно, в этом есть своя логика. Когда читаешь, что качество утюга определяется, в первую очередь, по тому, «липнет ли он к одежде» (“if it gets creases out of clothes”), рука сама тянется вывести на полях жирный красный «минус». Бесспорно и то, что такие ошибки зловреднее всех прочих в переводах контрактов, инструкций, справочников и других текстов официального или научного стиля. Но стоит отметить, что упор на смысловые ошибки, иногда при недооценке всех прочих, делают и потому, что смысловые ошибки – это, так сказать, «хорошие» ошибки, легкий хлеб преподавателя, редактора и критика. Они в основном нелепы, смешны, не оставляют переводчику возможностей для оправдания и служат благодарным материалом для переводческих баек. Доказать переводчику, что он совершил смысловую (то есть, как правило, лексическую) ошибку легко – достаточно указать нужное место в словаре, энциклопедии или, на худой конец, в учебнике английского языка.

Но в том-то и беда, что легко ни одно серьезное дело не делается. Вот, казалось бы, пример вполне адекватного перевода (кусочек диалога из кинофильма «Запах женщины»):

Colonel: You got a watch?	Полковник: Часы есть?
Charlie: Ah, it's 7:20.	Чарли: Сейчас 7:20
Co: I didn't ask you the time. I asked if you had a watch.	П: Я не спрашиваю, который час, я спрашиваю, есть ли у тебя часы.
Ch: Yeah, in the other room.	Ч: Да, в той комнате.
Co: Get it.	П: Принеси.
Ch: Colonel, there's a clock right next to your bed.	Ч: Полковник, часы в вашей комнате.

Однако внимательного зрителя, не глухого к родному языку, должно немало удивить, что часы Чарли чудесным образом оказались в комнате полковника. А как еще можно понять обмен репликами «Принеси часы – Часы в вашей комнате»? Посмотрев оригинал, понимаешь, что тут не чудеса телепортации, а элементарная переводческая ошибка. В последней фразе процитированного отрывка *a clock (часы)* – не данное (тема), а новое (рема), что в оригинале выделено конструкцией *there is* и неопределенным артиклем. В русском актуальное членение предложения (на тему и рему) в большинстве случаев определяется порядком слов, поэтому перевести можно было хотя бы так: «Полковник, у вас на тумбочке есть часы».

Как часто, натываясь при проверке контрольных работ на ошибку вроде «часов в комнате», мучительно решаешь, в какую категорию ее записать. Что это? Стиль? Уродливая конструкция, навеянная кинопереводами и зачинами наших телеведущих, которые с улыбкой сообщают, что, скажем, «тысяча километров дорожного полотна была в этом году отремонтирована дорожными рабочими», как будто в прошлом году эту тысячу километров ремонтировал кто-то другой? Или все-таки смысл – дезориентация читателя относительно перемещения часов в пространстве? Не менее трудно приходится с синтаксическими ошибками (в основном приводящими к стилистическим нарушениям) и при редактировании, особенно если речь идет о переводе художественных или

публицистических текстов. Лексическую ошибку исправить не очень трудно: как правило, достаточно заменить слово или словосочетание на более подходящее, и можно идти дальше. Это как доброкачественная опухоль: вид ее может пугать, но вырезать можно. Ошибка синтаксическая – это раковая метастаза. Может быть, при беглом взгляде она не так заметна, но поражает все предложение целиком, и, чтобы ее исправить, требуется подчас перестроить, а то и переписать все предложение. И перевод пусть даже с несколькими вопиющими ошибками лексического характера, но написанный грамотно, по-русски построенными предложениями почти всегда кажется лучше перевода без серьезных смыслоискажающих ошибок, но с изуродованным синтаксисом.

Чтобы избежать упреков в смешении понятий, сразу оговорюсь, что, конечно, нельзя отождествлять лексические ошибки со смысловыми, а синтаксические со стилистическими. Когда мы говорим о лексических и синтаксических ошибках, мы указываем на языковой уровень, на котором можно зафиксировать то или иное нарушение в переводе. Говоря об ошибках смысловых и стилистических, мы показываем, какой тип информации оказался искаженным. Однако, с точки зрения оценки качества перевода и редактирования, можно отметить закономерность. Ошибки, связанные с употреблением лексических единиц, в основном приводят к нарушениям, воспринимаемым как смысловые. Бывают и лексические ошибки, приводящие к стилистической неадекватности, но они, как правило, связаны с выбором слова из неподходящего стиля или регистра, и их относительно легко заметить и исправить. Синтаксические ошибки, как более глубинные, поддаются идентификации гораздо труднее. Более того, нарушения синтаксиса в подавляющем числе случаев воспринимаются как стилистические и редко когда удается доказать, что, по всем формальным признакам, речь идет об искажении смысла. Вышеприведенный пример служит хорошим тому подтверждением. Если судить по нормам русского языка, смысл последней фразы должен быть понят как «мои часы оказались в вашей комнате», т.е. смысловая ошибка налицо. Однако переводчик, допустивший ее, попытался бы, скорее всего, доказать, что он просто неудачно выразился, что в переводе пострадало не содержание сообщения, а только его форма.

Как ни парадоксально, но опрос зрителей, посмотревших фильм в этом переводе, вполне мог бы подтвердить такую точку зрения. Мы привыкли «перескакивать» через синтаксические ошибки, не веря переводчику на слово и достраивая смысл за него. Когда в очередной рекламе нам рассказывают об «инновационном шампуне для здоровых, сильных волос», мы отказываемся возмущаться несправедливостью производителя, предназначившего шампунь только для людей с и так здоровыми волосами, а догадываемся, что переводчик здесь наделил конструкцию с предлогом *для* значением английской конструкции с предлогом *for* и шампунь не предназначен для волос с качеством *X*, а придает волосам качество *X* (к предлогу *для* мы еще вернемся). Возможно, такое положение вещей связано с тем, что синтаксическая информация, в отличие от лексической, имплицитна, а значит нарушение ее меньше бросается в глаза. Синтаксическая ошибка – это не явная ложь, высказанная прямым текстом, а ложный намек. Совравшего в глаза легко уличить, но совравший намеком всегда может выкрутиться, отговорившись тем, что «он ничего такого не имел в виду, у него просто манера такая».

Подытоживая вышесказанное, постараюсь сформулировать рабочее определение синтаксической переводческой ошибки, которое будет использовано при отборе примеров и тем для данной статьи. Синтаксическая переводческая ошибка – это искажение в переводе фактической, стилистической или иной информации, основной причиной которого стал выбор синтаксической конструкции. С сугубо практической точки зрения можно сказать, что синтаксические ошибки – это, как правило, те ошибки, для исправления которых требуется не заменить одно слово или словосочетание другим (с другим смыслом или стилистической окраской), а произвести структурные изменения:

изменить порядок слов, тип предложения, расположение и/или качество членов предложения, характер связи элементов словосочетания и т. д.

Членение весьма актуальное

Рассмотрение типичных синтаксических ошибок есть смысл начать с вопроса об актуальном членении предложения. Как ни банальна эта тема, но факт есть факт: львиная доля всех синтаксических ошибок в письменных переводах с английского языка на русский связана с нарушением актуального членения. Особенно грешат этим начинающие переводчики, у которых еще не выработался навык обращать внимание на характерные для английского языка маркеры ремы и не принимать порядок слов в оригинальном высказывании за непременный образец для соответствующего высказывания в переводе. Приведем наугад несколько примеров из кинопереводов:

- – Ты не видела ее всю ночь?
– Да, **ее здесь не было**, когда я пришла.
- – Что случилось?
– Я думаю, что **инопланетяне** захватили наш колледж.
- – Что ты здесь делаешь?
– **Страшные вещи** происходят здесь.
- – В свидетельстве о смерти сказано, что **сердечный приступ** был причиной смерти.
- – Вечно ты рассказываешь какую-то чушь.
– Это правда. **Моя бабушка** рассказала мне эту историю.
- – Что ты сделала?
– Ничего. **Гномы** сделали это.

Может показаться, что ничего страшного в этих примерах нет. Но стоит переставить выделенные элементы в конец предложения, и произойдет удивительная вещь: предложения зазвучат легче, осмысленнее, грамотнее, а читающий эти строки внутренний голос перестанет делать истерические па и обретет естественную интонацию.

Подробно останавливаться на понятии актуального членения вряд ли стоит: профессиональным лингвистам (в числе которых в идеале хотелось бы видеть всех переводчиков) о нем должно быть известно из курса языкознания, не говоря уже о теории перевода. Можно лишь в двух словах напомнить о том, что в любом высказывании есть коммуникативный центр, самая главная, наиболее новая информация (рема), и тема – либо уже известная информация, либо та информация, которая подается в качестве фона, в расчете на то, что собеседник примет ее как само собой разумеющуюся. В русском языке рема обычно маркируется порядком слов, т.е. самая ценная, наименее предсказуемая информация сообщается в конце высказывания. В английском языке из-за особенностей его грамматической системы такой сдвиг не всегда возможен, поэтому рема может встретиться и в начале, и в середине предложения.

Вообще, о различиях между русским и английским языками с точки зрения типичного расположения ремы существуют самые разные мнения. Нора Галь пишет: «Как ни свободно по сравнению с западноевропейскими языками строится русская фраза, логическое и эмоциональное ударение в ней чаще всего в конце. А, к примеру, в английской – в начале. И если сохранить строй подлинника, английский порядок слов, в конце фразы гирькой повисает какое-нибудь местоимение, хотя суть вовсе не в нем»¹. Но ее наблюдениям противоречат экспериментальные данные, полученные Л.А.

¹ Галь Н. Слово живое и мертвое: от «Маленького принца» до «Корабля дураков». – М.: Междунар. отношения, 2001. – С. 216

Черняховской: «Так, оказалось, что в исследуемом материале [взятом из газеты «Таймс» – Д.Б.] 93,9% всех исследуемых предложений строятся в прогрессивной последовательности с ремой в конце высказывания. И только в остальных 6,1% предложений рема открывает высказывание (регрессивная последовательность)»¹.

Но даже если выводы Л.А. Черняховской верны (а сомневаться в них оснований нет), проблема адекватной передачи актуального членения не становится менее острой. Во-первых, переводчику нельзя забывать и об оставшихся 6,1%, в которых рема без всякой эмоциональной инверсии оказывается в начале предложения, где ее могут маркировать неопределенный/нулевой артикль, обороты *there is/there are, it is sth. that...*, слово *only* и т. д. А во-вторых, перестановки элементов могут потребоваться и в том случае, когда общая прогрессивная последовательность темы и ремы не изменяется. В примере “Unemployment in Great Britain passed the 600,000 mark last week”, который приводит Л.А. Черняховская, рема (группа сказуемого), безусловно, следует за темой (группой подлежащего). Однако при переводе на русский обстоятельство времени (“last week”) и дополнение (“the 600,000 mark”) придется поменять местами, иначе сообщение о том, что произошло с безработицей в Великобритании на прошлой неделе, преобразуется в сообщение о том, что в Великобритании отметка в 600 тысяч безработных была преодолена именно на прошлой неделе, а не, скажем, раньше. Как видим, оба варианта перевода возможны, но вариант с перестановкой более универсален и годится, даже если предложение представляет собой законченное новостное сообщение, тогда как вариант без перестановки уместен только в специфическом контексте (скажем, при сопоставлении Великобритании с другой страной, которая преодолела этот рубеж раньше).

Одним словом, переводчику-практику следует помнить, что порядок слов (точнее, смысловых элементов) английского предложения в большинстве случаев потребует изменения в переводе. Конечно, зачастую расположение этих элементов может быть сохранено без ущерба для смысла и стиля (синтаксическая эквивалентность), но такие случаи нужно считать не правилом, а исключением и подходить к изменению порядка слов в англо-русских переводах как к норме.

Сбои в передаче тема-рематических отношений иногда приводят к искажению смысла или полному абсурду, но в большинстве случаев их последствия менее заметны, но куда более коварны: текст, сохраняя осмысленный вид, теряет естественность в строе фразы и связность в изложении. Вот характерный пример из студенческого перевода:

By the turn of the century, however, technology had sprung forward. And by the time my grandmother’s children came along in the 1920s, airplanes were relatively common, radios were in widespread use, and television – and even fax technology – had been invented. When she sent her sons to war in Europe in the 1940s, digital computers and nuclear energy were alive in the laboratory and would soon be put to use (PC Magazine, Nov. 4, 97).

Однако на рубеже веков технологический процесс пошел еще дальше. А уже к 20-м годам XX века, когда появились на свет дети моей бабушки (мои родители), аэропланы были обычным явлением, радио получило широкое распространение, а телевидение – и даже факс – уже были изобретены. А когда моя бабушка провожала своих сыновей на войну в Европу в 1940-х, цифровые компьютеры и атомная энергия уже разрабатывались в лабораториях и в скором времени уже вовсю использовались.

Как видно, автор описывает технологический прогресс, называя те или иные изобретения и новые технологии как приметы разных эпох. Читатель, таким образом, с самого начала понимает, что времена менялись и появлялось что-то новое. Это фон,

¹ Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. М.: Междунар. отношения, 1976. – С. 49

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/featureak.html>

связующая ткань отрывка, самое интересное в котором – сами изобретения и технологии. Переводчик же пошел на поводу у английского строя фразы, упрятав самую ценную информацию (аэропланы, радио, телевидение и т. д.) в «подвал» и выставив на всеобщее обозрение в конце предложений никому не нужные, неинтересные и практически синонимичные конструкции: *были обычным явлением, получило широкое распространение, были изобретены, разрабатывались*. В результате вместо рассказа о ходе прогресса мы получаем сведения о статусе тех или иных изобретений в отчетную эпоху, а в ушах звенит однообразное: «был» – «не был».

Чтобы эти рассуждения не показались голой теорией, можно отредактировать этот вариант перевода с максимальным сохранением исходных лексических единиц, но перестроив его синтаксически:

Однако на рубеже веков технологический процесс пошел гораздо быстрее. И к 20-м годам XX века, когда появились на свет дети моей бабушки (мои родители), довольно обычным явлением были аэропланы, почти у всех было радио и уже изобрели телевидение и даже факс. А когда моя бабушка в 40-х годах провожала сыновей на войну в Европу, в лабораториях уже разрабатывали цифровые компьютеры и атомные реакторы и не за горами был тот день, когда началось их использование.

Нецелевое использование

Как показывает практика, множество синтаксических ошибок в переводе происходит из-за искажения характера связи между элементами предложения или самими предложениями. Среди типичных случаев мы рассмотрим ошибки, связанные с дословной передачей подчинительных связей. Как отмечает, в частности, Л.С. Бархударов, «для русского языка, особенно для устно-разговорной речи, более характерно преобладание сочинительных конструкций, в то время как в английском языке подчинение если не преобладает, то, во всяком случае, встречается чаще, чем в русском»¹. Когда переводчик не задумываясь переносит в перевод подчинительную конструкцию, русское предложение приобретает подчас самую замысловатую окраску. Трудно представить себе человека, который в запальчивости бросает: «Я вам не мусор. Прошло много лет перед тем, как я мог вам это сказать». Но именно такой персонаж появился по воле кинопереводчика в популярном сериале. Конечно, по-английски герой сказал что-то вроде: «Я много лет хотел вам это сказать, но все не решался», однако в переводе конструкция с временным придаточным убила живую интонацию начисто.

К придаточным предложениям времени мы еще вернемся, а для начала хотелось бы сказать несколько слов о переводе конструкций со значением цели. Речь идет об английских инфинитивах в значении обстоятельства цели, которые выражают отношения подчинения. Может показаться, что передача этих конструкций не вызывает затруднений и русские придаточные предложения цели, вводимые союзом *чтобы*, в абсолютном большинстве случаев подходят на роль полного синтаксического эквивалента. Однако, если приглядеться внимательнее, это не совсем так. В статье, где рассказывается об ученых-диетологах, пытающихся изменить технологию приготовления пиццы, чтобы сделать ее полезнее, один из опытов описывается так:

They varied oven temperatures and baking times **to** test the level of antioxidants in the pizza base (Guardian, March 27, 07).

¹ Бархударов Л.С., Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М., 1975. – С. 207.

Переводы студентов, как правило, содержат придаточное цели и имеют примерно такой вид:

Они варьировали температуру в печи и время приготовления, **чтобы** замерить уровень антиоксидантов в основе для пиццы.

Хотя такой вариант выглядит вполне адекватным, в нем, по сравнению с английским, искажены отношения между действиями в главном и придаточном предложениях и агентом действия. В английском предложении ученые пробовали готовить пиццу при разной температуре и смотрели, как та или иная температура сказывается на уровне антиоксидантов. Но в переводе эксперимент представлен в ином и довольно нелепом виде: ученые задались целью сделать несколько разных замеров антиоксидантов и ради этого меняли температуру. Этого искажения можно избежать, заменив придаточное предложение цели на другую конструкцию, которая предполагает более свободное, не столько целевое, сколько временное соотношение между двумя действиями, например:

Они варьировали температуру в печи и время приготовления, измеряя уровень антиоксидантов в основе для пиццы.

А лучше даже так:

Они решили проверить, как температура в печи и время приготовления влияют на содержание антиоксидантов в основе для пиццы.

Думается, различие между английскими целевыми инфинитивами и русскими придаточными цели можно описать следующим образом. Русские придаточные цели предполагают, что агент совершает действие, указанное в главном предложении, с осознанным намерением осуществить с его помощью действие, указанное в придаточном предложении. Причем внимание сосредоточено преимущественно на действии придаточного предложения, тогда как действие главного предложения представляется само собой разумеющимся. Это некая ступень, которая служит только для того, чтобы осуществить конечную цель. Английские предложения с целевым инфинитивом допускают более свободный характер связи между этими двумя действиями. Действие, выраженное сказуемым, может иметь самостоятельную важность и восприниматься не как предпосылка, необходимая для осуществления действия, выраженного инфинитивом, а как первый этап в цепи практически равноправных действий, связанных причинно-следственной связью.

Особенно хорошо эта разница видна на примере предложений в повелительном наклонении. Впрочем, как показывает практика, видна она не всем, в результате чего рождаются переводы вроде следующего:

Maybe your target is the local daily or weekly paper. Perhaps it's a morning TV talk show that covers local happenings or a local home magazine that showcases great design or area artists. Review each option **to** determine which would be best for you and to whom you should send your information (Art Business News, Jan., 03) .

Возможно, вы выбрали местную ежедневную или еженедельную газету. А может быть, утреннее ток-шоу, которое освещает события местного масштаба, или местный журнал для домохозяек, который пишет о видных дизайнерах или местных художниках. Отнеситесь внимательно к своему выбору, **чтобы**

определить, что лучше всего вам подойдет и кому именно адресовано ваше сообщение.

Даже с сохранением предложенных переводчиком лексических вариантов последнее предложение заметно выиграет, если связать императивны не подчинительной, а сочинительной связью (а заодно изменить порядок слов исходя из соображений актуального членения):

Отнеситесь к своему выбору внимательно, определите, что подойдет вам лучше всего и кому именно адресовано ваше сообщение.

Злоупотребление временем

Асимметричность русской и английской грамматических систем и преобладание в английском подчинения ярко проявляются и при передаче с английского на русский временных придаточных предложений. Л.С. Бархударов приводит пример из перевода «Детства» Горького на английский язык, где фраза «Убери его, дьявола, убью!» передана как “Take that devil out of here before I kill it!” В английском языке резкость, разговорность и восклицательность реплики никак не противоречат появлению подчинительной связи. В русском предложение вроде «Убери отсюда этого дьявола, прежде чем я его убью!» вызвало бы только смех. Впрочем, многие кинопереводчики смешливостью не отличаются

и пишут так:	хотя можно было бы так:
Врачи говорят, что пройдут дни, прежде чем он придет в себя.	Врачи говорят, он очнется только через несколько дней.
Она уже никогда не будет прежней. Пройдет время, пока она сможет говорить.	Заговорит она еще нескоро. А полностью оправиться вряд ли вообще когда-нибудь сможет.
У меня уйдет немного времени, прежде чем я сумею это сделать.	На это уйдет время / Придется подождать/ Быстро не получится.
Я должна уйти, прежде чем покончу с собой.	Если я не уйду, точно покончу собой.

В целом наблюдается та же картина, что и в случае целевых конструкций. Подчинительная связь в английских придаточных времени в целом более свободна от дополнительных значений, чем подобная связь в русском языке. Сравнив два предложения – “He drank another glass before he began his story” и «Прежде чем начать рассказ, он выпил еще стаканчик», – можно прийти к выводу, что в первом случае сообщается исключительно об определенной последовательности действий, во втором – о последовательности в сочетании с некоей причинно-следственной связью (возможно, рассказчику надо было взбодриться, прочистить горло и т. п.). Таким образом, первое предложение в зависимости от контекста может передаваться не только при помощи придаточного времени (как во втором предложении), но и с использованием других конструкций, например «Выпив еще стаканчик, он приступил к рассказу» или «Он выпил еще стакан и начал рассказывать». Неуместность подчинительной связи почувствовал переводчик И. Введенский, вообще отказавшись в переводе от глагольной конструкции:

“Will you make another glass before you begin, sir?” said Mr. Pickwick.	– Перед началом не угодно ли еще стаканчик пунша? – спросил м-р Пикквик ¹ .
---	--

Если рассмотреть английские придаточные предложения, выражающие последующее (*before*), предшествующее (*after*) и одновременное (*when/as*) действие, и сопоставить их с русскими, то мы увидим, что подчинительная связь английских предложений может выражать как простой порядок следования действий во времени, так и дополнительные оттенки смысла (причинно-следственную связь и т. п.) В этом они близки к русским деепричастным оборотам, способным в зависимости от контекста по-разному передавать отношение действия, выраженного деепричастием, к основному действию. Поэтому при переводе английского временного придаточного аналогичной русской конструкцией характер взаимоотношений между действиями зачастую меняется безо всякой на то воли переводчика. Попробуем свести основные трудности в таблицу²:

Союз	Основные трудности в сопоставлении с аналогичной русской конструкцией	Примеры
before vs. прежде чем	1) (если речь идет о прошлом) Предшествование не обязательно отягощено значением того, что предшествующее действие было так или иначе необходимо для совершения последующего.	Just before his speech [at the UN], President Ronald Reagan got stuck in an overloaded elevator for nearly a minute before a security guard employed by the United Nations could pry the door open. (International Herald Tribune, Sept. 29, 86)* Незадолго до своего выступления президент Рейган застрял в перегруженном лифте, и только примерно через минуту сотруднику службы безопасности ООН удалось открыть двери кабины.
	2) (если речь идет о будущем) Последующее действие не обязательно должно случиться.	The Labour party has changed so much in the approach to this week’s conference that it can only be a matter of time before it changes its name also. (Times, Oct. 5, 92)* В преддверии конференции в Лейбористской партии произошли такие перемены, что скоро того и гляди партия и название сменит. The balance of nature must be restored before further catastrophic damage occurs. (Times, May 21, 99)* Необходимо восстановить экосистему, пока не случилась новая природная катастрофа.

¹ Ч. Диккенс. Замогильные записки Пикквикского клуба / Пер. И. Введенского. – СПб.: Просвещение, 1907. – С. 61.

² Знаком «*» отмечены примеры, позаимствованные из сборника упражнений «Бузаджи Д.М., Маганов А.С. Техника Перевода. Часть I. Грамматические аспекты перевода. – М.: Р.Валент, 2007». Представленный в данной статье подход к анализу грамматических проблем и их решению может в известной степени быть применен и при использовании пособий «Техника перевода» на занятиях.

after vs. после того, как	1) Предшествующее действие может обозначать причину последующего.	Russia faced financial chaos last night after the rouble collapsed and long queues formed at banks as people withdrew their savings. (Daily Telegraph, Aug. 27, 98)* Когда вчера вслед за падением рубля в банках выстроились очереди людей, стремящихся снять свои сбережения, над страной нависла угроза финансового кризиса.
	2) Предшествующее действие оказывается практически одновременным с главным.	A 92-year-old woman died after she tried to rescue her cat after her television set blew up and started a fire at her home in Alhampton, Somerset. (Guardian, Aug. 9, 02)* В Олхэмптоне (Сомерсет) во время пожара, спасая из огня свою кошку, погибла пожилая женщина в возрасте 92 лет. Пожар начался из-за неисправного телевизора.
when/as vs. когда	1) Действие в придаточном предложении может иллюстрировать действие в главном предложении.	Volcanic activity intensified at Mount Etna early Tuesday as a 100-meter (300-foot) plume of black ash and lava spewed from its crater. (International Herald Tribune, Sept. 16, 98)* Во вторник утром вулканическая активность Этны усилилась. Из кратера вырвался 100-метровый столб черного пепла и лавы.
	2) Действие в придаточном предложении может быть важнее действия в главном предложении (а не служить фоном для него).	Louis Barton was five years old, and his younger sister Lily just born, when their mother decided on home education after failing to find a suitable local London school. (Sunday Times, 20 Apr., 03)* Когда Луису Бартону было пять лет, а его младшая сестра Лили только родилась, их мать, отчаявшись найти подходящую школу в их районе Лондона, решила обучать детей на дому.
	3) Действие в придаточном предложении может быть связано с действием в главном предложении только включенностью в одну ситуацию (без причинно-временной обусловленности)	As her chestnut hair streamed in the wind, Julie squinted at the far horizon, which was filling up with honey-gold light as the sinking sun drizzled toward it. (Dean Koontz)* Ветер развевал каштановые волосы Джули, а она, прищурив глаза, смотрела, как по горизонту от брызг заходящего солнца разливается медово-золотистый свет.

Итак, сталкиваясь с временными придаточными в оригинале, переводчик должен помнить, что, во-первых, смысл английского временного подчинения может отличаться от смысла формально сходных русских конструкций, и что, во-вторых, в русском переводе

подчинение, даже передавая необходимый грамматический смысл, может оказаться неуместным по соображениям стилистики.

Этот вывод можно распространить и на другие явления синтаксиса, рассматриваемые в сопоставительном аспекте, и, следовательно, разделить синтаксические ошибки на две категории. Ошибки первой категории связаны с тем, что переводчик неправильно истолковывает семантику той или иной синтаксической конструкции в оригинале и, соответственно, искажает отношения между предметами, действиями и качествами в переводе¹. Ошибки второго рода имеют стилистическую природу и возникают в том случае, когда употребленная в переводе синтаксическая конструкция, верно передавая соответствующее грамматическое значение, нарушает узус переводящего языка или стилистически не соответствует данному типу текста.

При этом есть обширная категория своего рода «промежуточных» ошибок, в основе которых лежит незначительное искажение существующих в тексте синтаксических связей. В силу своей незначительности эти ошибки многими не воспринимаются как смысловые искажения. Действительно, разве искажен смысл фразы “Caroline Stuttle, a UK backpacker, died after being thrown from a bridge in Australia”^{*} в переводе «Кэролайн Статтл, туристка из Великобритании, погибла **после того, как** в Австралии ее сбросили с моста»? Выражаясь словами Остапа Бендера, кто скажет, что она погибла до того, пусть первый бросит в меня камень. Однако искажение есть: союз «после того как» обычно не предполагает моментальной смены действий и не выражает причинно-следственных отношений (как в нашем случае), поэтому избранный в переводе тип синтаксической связи был бы уместен разве что в том случае, если бы упомянутая туристка выжила после падения с моста и погибла *уже после того* и при других обстоятельствах.

Такие ошибки опасны именно из-за своей кажущейся невинности. Если воспользоваться термином М.Д. Литвиновой, можно сказать, что они искажают «спектр» переводящего (в данном случае русского) языка, заставляют читателя или слушателя пробиваться к смыслу через дебри конструкций либо неестественных в данном контексте, либо неточных. Как отметила М.Д. Литвинова в своем выступлении на Международном форуме переводчиков русской литературы (4–6 декабря 2007 г.), существуют «синтаксические каналы», через которые мысль входит в сознание, и эти каналы у носителей русского языка отличаются от каналов у носителей, например, английского языка. Вряд ли стоит принимать всерьез спекулятивные рассуждения, согласно которым эти дебри не зло, а благо, так как, продираясь сквозь них, подготовленный читатель новой формации «сотрудничает с переводчиком» и постигает «культуру языка оригинала». А значит, мы не можем не прийти к выводу о том, что задача переводчика – в донесении мысли автора по наиболее магистральным каналам сознания, чтобы читательзнакомился и с автором, и с соответствующей культурой безо всяких помех, воздвигнутых рукой неумелого переводчика, чей текст без читательского «сотрудничества» окажется просто-напросто неудобочитаемым и малопонятным.

Не все то агент, что подлежащее

Довольно распространенный тип синтаксических ошибок связан с передачей на русский язык подлежащих, имеющих обстоятельственное значение. Эти ошибки коварны тем, что по отдельности, как правило, малозаметны, зато, накапливаясь, они настолько же уродуют текст, насколько уродуют живой организм скопившиеся в нем радиоактивные элементы. Впрочем, для начала следует объяснить, что мы понимаем под «подлежащими, имеющими обстоятельственное значение» (далее – ПОЗ).

¹ См. статьи Ермолович Д.И. «Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так... // «Мосты» № 4 (16). – М.: Р.Валент, 2007. – С. 33–40 и Комиссаров В.Н. «Ложные друзья» переводчика в структуре английского высказывания (к постановке проблемы) // «Мосты» № 2 (5). – М.: Р.Валент, 2005. – С. 15–17.

Как отмечают авторы «Коммуникативной грамматики русского языка», «распространенный прием квалификации членов предложения путем подстановки падежных вопросов дает информацию лишь о падежной форме... но нередко затемняет синтаксическую суть дела»¹. В результате подлежащее русского (как и, заметим, английского) предложения может обозначать как агента действия, так и, кроме прочего, фактическое обстоятельство этого действия. Чтобы правильно сделать школьный синтаксический разбор предложения, учитывать семантическую разницу в подлежащих необязательно, а для перевода эти различия могут оказаться существенными. Авторы «Коммуникативной грамматики» прямо указывают на функциональную непохожесть некоторых предложений с одинаковой формально-морфологической структурой: «В примере [*Эта быстрая езда успокоила его – Д.Б.*] девербатив *езда* выполняет структурно-семантическую роль каузатора, а местоимение *его* несет двойную функцию как объект каузативного воздействия и как субъект казулируемого состояния... Можно назвать *езду* и подлежащим, дело не в слове, важно видеть, что это подлежащее другого типа и предложение другого типа, чем, скажем, *Она увидела его*»².

Проблема ПОЗ так или иначе уже освещалась в переводоведческой литературе. Однако терминологическое описание этого явления не всегда адекватно отражало суть вопроса. Так, рассматривая то же самое явление, Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман озаглавливают соответствующий раздел своего пособия «Неодушевленные подлежащие в роли агента действия»³. С таким наименованием нельзя согласиться, т.к. суть рассматриваемого явления заключается не в том, что неодушевленное существительное становится агентом (что невозможно по определению⁴), а в том, что существительное (неважно, одушевленное или неодушевленное), не являясь агентом, занимает место подлежащего, из-за чего (в русском языке) происходит конфликт между формально-синтаксической ролью слова и его семантической функцией. То, что неодушевленность подлежащего не играет для перевода принципиальной роли, можно проиллюстрировать парой примеров:

- 1) **Hurricane Katrina** damaged or destroyed nearly 52,000 rental units in the city (G., March 20, 08)
- 2) **An air traffic controller** allowed two aeroplanes to fly too close to each other as one took off from La Guardia Airport and the other arrived, the Federal Aviation Administration said. (I.H.T., March 21, 97)*

В первом случае ураган (несмотря на женское имя, объект неодушевленный) выступает в роли активного деятеля. Возможно, со строго научной точки зрения он не является агентом (ЛЭС указывает, что агентом может быть только одушевленный участник ситуации), однако с точки зрения узуса ураган Катрина – действительно субъект действия. В русском языке конструкции, где подлежащим является природное явление, широко распространены в самых разных стилях и контекстах, поэтому вариант перевода, начинающийся словами «Ураган Катрина уничтожил или повредил...», представляется вполне адекватным.

Во втором примере подлежащим является одушевленный объект, что, казалось бы, дает переводчику полное право сохранить за «авиадиспетчером» позицию подлежащего и

¹ Золотова А.Г., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – С.41.

² Там же.

³ Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. – М.: Высшая школа. – 1973. – С.90)

⁴ В Лингвистическом энциклопедическом словаре понятие «агенса» определено так: «Термином “А.” обозначают одуш. участника ситуации, ее намеренного инициатора, к-рый контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соотв. действие и является «источником энергии» этого действия» (ЛЭС, С. 17).

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/featureak.html>

в переводе. Однако в данном случае «авиадиспетчер» не является агентом в том смысле, как это определено в ЛЭС, т.к. он не является «намеренным инициатором» ситуации. Попытка сохранить в переводе исходную синтаксическую конструкцию («Авиадиспетчер разрешил/позволил/допустил...» и т. п.) приведет к тому, что вместо роковой ошибки поступок авиадиспетчера предстанет перед русским читателем почти что как обдуманное преступление. В принципе из положения можно выйти, употребив в переводе выражение «по недосмотру/неосторожности» или подобное, однако точнее и синтаксически удачнее будет вариант, где «авиадиспетчер», а точнее его действия, займут позицию обстоятельства, например такой: «Как сообщило Федеральное агентство гражданской авиации США, из-за ошибки авиадиспетчера аэропорта «Ла-Гуардиа» заходящий на посадку самолет оказался в опасной близости от другого самолета, который в тот момент набирал высоту».

Итак, на наш взгляд, точнее всего суть именно переводческой (а не общелингвистической) проблемы передает термин «подлежащее, имеющее обстоятельственное значение». Большинство ПОЗ можно распределить на три категории:

1) подлежащие, имеющие обстоятельственное значение времени (выражены словами, обозначающими отрезки времени):

Оставшиеся **два дня** недели не принесли значительных перемен (Новые Известия, 24.09.03), The last **few weeks** have seen the deaths of two of the longest lived and, in their way, most influential modern designers in Britain. (F.T., Aug. 19, 96)*;

2) подлежащие, имеющие обстоятельственное значение места (выражены словами, указывающими на пространство):

Вся **Тында** стала ареной для праздника (Комсомольская Правда в Благовещенске, 13.07.04), The main **block** [of the boarding school] houses the boys' dormitories, dining rooms, common rooms and exercise room (G., Oct. 1, 91)*;

3) подлежащие, имеющие обстоятельственное значение причины или условия (обозначают предмет, действие, признак или состояние, наличие которых является причиной события, выраженного группой сказуемого):

Употребление молока привело к появлению голубоглазых людей (Известия, 12.12.07), (Mr Dobson apologised and said the computer **failure** meant his statement could not be typed up. (Ind., Nov. 14, 98)*.

Как видим, употребление подлежащих в роли обстоятельств встречается и в русских и в английских текстах, что, казалось бы, говорит о функциональной тождественности таких синтаксических построений в обоих языках. Однако практика показывает, что особенности употребления ПОЗ в английском и русском все-таки не совпадают. В английском языке (возможно, в силу жестко регламентированного порядка слов) конструкции с ПОЗ имеют широкое хождение в самых разных типах текста. В русском языке, где практически любое предложение с ПОЗ можно перестроить так, чтобы место подлежащего занял агент, ПОЗ являются зачастую признаком официально-делового и научного стилей, для которых характерна определенная безличность высказываний. С другой стороны, ПОЗ могут придать тексту книжно-архаическую окраску (ср.: «Манера глядеть свысока сделала то, что Онегин совсем не узнал Татьяну» (Достоевский)).

Поэтому курьезно смотрятся ПОЗ в высказываниях разговорного или нейтрального характера, когда сухость, «алгебраичность» синтаксической конструкции резко противостоит доступности, повседневности содержания фразы. За примерами таких курьезов, обратимся, как обычно, к кинопереводам:

- Слишком большой **интерес** к Неваде делает её малопригодным местом.
- Скорее всего, **падение** люстры явилось результатом сотрясения дома.
- Ежедневные **ток-шоу** сведут нашу способность мыслить до уровня лягушки.
- Пропажа людей – не такая уж редкость. Почему именно этот **случай** заставляет нас лететь через всю страну?
- Наше с вами **сотрудничество** должно обезвредить убийцу.
- Мои **эксперименты** делают его умнее с невероятной скоростью.

Конечно, не все случаи употребления ПОЗ столь гротескны, и одно или два предложения с ПОЗ в русском переводе еще не изменяют его стилистической окраски, но при большом скоплении таких конструкций спектр языка начинает видимо искажаться¹. Приведу ряд примеров из переводов публицистических статей, в том числе посвященных механическим часам. Так как в этих статьях большое количество технической информации, переводчик испытывает соблазн забыть о публицистическом характере этих материалов и перейти на сухой канцелярский язык, которым, казалось бы, должны переводиться научный и оклонаучные тексты. Однако публицистическая статья не инструкция по эксплуатации, и скопление в ней ПОЗ неоправданно засушивает и утяжеляет текст:

Оригинал	Перевод	Возможная правка
A new geometry of the balance, the use of new lighter and more resistant materials in the escapement, and a latest-generation tourbillon regulator , converge in enabling the Jaeger-LeCoultre 988C to establish a new precision benchmark.	Новая геометрия баланса, использование новых, более лёгких и износостойчивых, материалов в спусковом механизме и регулятор турбийона нового поколения слились воедино, позволив Jaeger-LeCoultre 988C установить новый критерий точности.	Благодаря сочетанию таких факторов, как новая геометрия баланса, более лёгкие и износостойчивые материалы в спусковом механизме и турбийонный регулятор хода нового поколения, механизм Jaeger-LeCoultre 988C устанавливает новые стандарты точности.
High inertia ensures a stable regulator... Nonetheless, high inertia implies a higher balance mass, leading to larger losses due to mechanical friction.	Большая инерция обеспечивает стабильный уровень колебаний баланса... Однако поддержание большой инерции требует увеличения массы баланса, что приводит к большей потере энергии, вызванной трением.	При высокой инерции баланс работает стабильно... Но чтобы добиться большой инерции, нужно увеличивать массу баланса, а в результате больше энергии будет теряться из-за трения.
Only inventiveness and an ability to adjust to their environment could have enabled the people of the valley to survive through the centuries.	Только гибкость и изобретательность позволили жителям Валле-де-Жу пройти через века.	Только благодаря находчивости и умению приспосабливаться к обстановке жители долины сумели пережить массу потрясений, выпавших на их долю за долгие века.
Seven years of depression have	Семь лет депрессии наполовину	В результате растянувшегося на

¹ О необходимости синтаксических преобразований в передаче подобных конструкций находим у А.Д. Швейцера: «...Подлежащему-существительному со значением неодушевленного предмета приписывается роль источника действия, которое обычно ассоциируется с одушевленным предметом. В английском языке в качестве подлежащего-агенса при глаголе со значением активного действия, каузирующего определенное состояние, могут выступать существительные со значением процесса, состояния, события, места, времени, а само предикативное ядро высказывания может выражать каузальные, темпоральные, пространственные и иные отношения. Для перевода подобных высказываний применяются конверсивные трансформации, в ходе которых глагол заменяется его конверсивом, а подлежащее-агенса — обстоятельством времени, места, причины и т.п. В то же время порядок развертывания коммуникативной структуры от темы к реме остается неизменным» (Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – С.143).

halved its [Russia's] gross domestic product.	сократили её ВВП.	семь лет экономического кризиса наполовину сократился ее ВВП.
But not even this explicit appeal to America's own experience has softened Washington's hard-line stance.	Однако даже такая явная отсылка к собственному американскому опыту не смягчает жёсткую позицию Вашингтона.	Однако, даже несмотря на столь явное сходство между российским настоящим и американским прошлым, Вашингтон свою позицию не смягчает.

При выборе и анализе вариантов перевода часто замечаешь, что некоторые слова, выражения, синтаксические конструкции ПЯ оказываются как бы вне поля зрения. Даже опытному переводчику на ум в первую очередь приходят варианты, так или иначе напоминающие выражения ИЯ либо внутренней формой, либо образной основой, либо строением. Конечно, такие варианты могут быть вполне корректными, и неправильно было бы считать, что перевод тем лучше, чем дальше он отстоит от формы оригинала – так недалеко и до отсебятины. Но если текст оригинала создается с привлечением всех доступных автору средств ИЯ, то и текст перевода должен строиться из такого же разнообразного материала, а не из одних только слов и выражений, в которых ощущается некоторая общность со словами и выражениями ИЯ. Иначе текст перевода неизбежно окажется беднее оригинала, а языковой спектр будет смещен.

Примеры таких смещений хорошо всем знакомы и по низкокачественным переводам, и хотя бы по своему опыту изучения иностранного языка. Неудивительно, что у носителей английского языка подчас складывается мнение о русских как о людях суровых, запелляционных и чрезмерно официальных: такой эффект производят попытки передавать вполне нейтральные безличные конструкции (со словами *можно, нельзя, нужно* и т. п.) не функциональными аналогами (*you can, you should, we might* и т. п.), а гораздо более канцелярскими фразами типа *it is prohibited, it is possible* и т. п. Кому-то покажется: разное национальное самосознание, а на самом деле – недостаточное владение синтаксисом иностранного языка и, как следствие, искажение спектра. К слову: иначе, но так же неестественно звучат плохо переведенные с английского на русский инструкции и указания, где сохранены личные конструкции: *Здесь Вы можете сдать багаж, Вы не должны здесь сидеть* и т. п. Здесь уже у носителя русского будет складываться впечатление, что перед ним не обычная информация, поданная в нейтральной официально-безличной манере, а записка, обращенная к нему лично и написанная притом весьма сварливо.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, теоретически, может быть, небезупречный, но вполне полезный практически. В переводе особое внимание следует уделять конструкциям, мало похожим на соответствующие конструкции оригинала. Они как интересные, умные, но тушующиеся гости на званом обеде. Если раз за разом не втягивать их в разговор, то всем вниманием завладеют два-три бойких говоруна. Оживление, конечно, они обеспечат, но качество разговора будет не то. Конструкции с ПОЗ можно при желании предавать на русском только такими же конструкциями, но текст выйдет сухим, ходульным и стилистически неорганичным.

Кстати, наблюдения над сравнительной частотностью тех или иных синтаксических конструкций в ИЯ и ПЯ могут здорово помочь и при переводе с родного языка на иностранный. Наверное, на определенном этапе изучения английского многие из нас не могли обойтись без конструкции *thanks to*, которая хотя и существует в английском и позволяет обозначить каузацию по аналогии с русским союзом *благодаря*, однако отнюдь не так частотна и естественна. Как показывают приведенные выше примеры, во многих случаях ту же функцию и гораздо удачнее могут выполнить конструкции с подлежащим в значении обстоятельства причины. Главное – не забывать о «скромных

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/featureak.html>

гостях»: именно благодаря им текст перевода способен точно передать смысловые и стилистические нюансы оригинала, не нарушая при этом спектра ПЯ.

Ложные сложные существительные

До этого мы обсуждали синтаксические проблемы на уровне предложения, однако неточности и ошибки при передаче грамматической связи встречаются и на более мелком подуровне синтаксиса – на уровне словосочетания. Разумеется, все расхождения английской и русской грамматических систем, проявляющиеся в построении словосочетаний, в одной статье рассмотреть невозможно. Однако хотелось бы обсудить несколько характерных ошибок, которыми переводы грешат особенно часто.

Как я уже показывал выше, переводческие классификации и подходы к рассмотрению тех или иных языковых явлений зачастую расходятся с классическими подходами, принятыми в языкознании. Это и неудивительно: практического переводчика в первую очередь интересуют функциональные, коммуникативные особенности речи, которые далеко не всегда адекватно отражаются в классических лингвистических дисциплинах. Впрочем, зачастую эти расхождения способствуют взаимному обогащению переводоведения и языкознания: переводоведы отходят от чисто интуитивных описаний своей деятельности и переводят ее на прочную теоретическую основу, тогда как лингвисты на переводческом материале могут наблюдать, как те или иные, казалось бы, отвлеченные положения проявляют себя на практике.

Определенная нестыковка переводоведческого и чисто лингвистического подходов проявится и в следующей теме, которую я хотел бы затронуть. Строго говоря, те языковые единицы, которые здесь будут рассмотрены, относятся к категории сложных существительных, а их образование – по идее феномен лексики, а не синтаксиса. Однако английские аналоги тех сложных существительных, о которых пойдет речь, являются именными словосочетаниями, и именно поэтому, на мой взгляд, данную проблему стоит рассматривать в одном ряду с другими синтаксическими явлениями.

За последние годы всем и, скорее всего, неоднократно встречались выражения типа *проект-менеджер, контент-анализ, дизайн-студия, фэшн-индустрия, бьюти-революция, 3D-формула* и т. п. (бывает, что в написании дефис отсутствует). Разумеется, за всеми этими сочетаниями угадываются английские «оригиналы»: *project manager, content analysis, design studio, fashion industry, beauty revolution, 3D formula*. Статус английских выражений понятен: перед нами именные словосочетания, в которых первое существительное служит определением ко второму. А вот русские (точнее будет сказать, псевдорусские) построения такого рода вызывают вопросы.

Вообще-то, еще на занятиях по английскому языку студентов учат передавать первое существительное в подобных английских словосочетаниях прилагательным или существительным в косвенном падеже. Казалось бы, все просто: *garden chair – садовый стул, horror film – фильм ужасов, milk bottle – бутылка из-под молока, polygraph test – проверка на детекторе лжи...* Стоп-стоп-стоп! Зачем так длинно? Можно короче – *полиграф-тест*. Так, по крайней мере, считает высокопоставленный казанский чиновник, процитированный газетой «Коммерсантъ-Казань» (№ 90 от 26.05.2007), или, например, переводчик русского сайта «Би-би-си» (статья «Насколько лжив детектор лжи», 22 августа 2002 г.).

Итак, грамматический статус этих гибридов. Если посмотреть на существующие в русском языке сложные существительные типа *кресло-кровать, плащ-палатка, вагон-ресторан, инженер-наладчик*, мы увидим, что называемый ими объект одновременно соответствует понятиям, выраженным первой и второй частью сложного

существительного¹. Иными словами, кресло-кровать – это и кресло и кровать; инженер-наладчик – это и инженер и наладчик, но ведь проект-менеджер – это не проект, а дизайн-студия – не дизайн. Получается, в этих полурусских-полуанглийских гибридах характер связи между первым и вторым элементом принципиально иной: вместо ожидаемого сочинения имеет место подчинение.

Почему эти сочетания встречаются все чаще, догадаться легко. Во-первых, неслучайно их первые части представляют собой, как правило, совсем не освоенное или не до конца освоенное слово. Такие существительные бывает трудно поставить в косвенный падеж, а тем более – превратить в прилагательные. Конечно, трудность эта относительна и составить словосочетания типа *руководитель проекта, студия дизайна, проверка на детекторе лжи* или *отрасль модной одежды* под силу не только академикам, но экономия мозговых усилий уже стала во многих сферах таким же универсальным законом, как закон сохранения энергии в физике.

Вторая причина, смешная и пугающая одновременно, видится в том, что недопереведенные гибриды занимают на письме меньше места. Вообще, повсеместный диктат дизайнерских и технических требований над лингвистическими чреват очень неприятными последствиями. Складывается впечатление, что ради экономии рекламного места или красивого (в чьем-то понимании) вида и расположения слов заказчики пойдут на любые надругательства над языком: перестанут склонять, навяжут предлогам несвойственные им значения, откажутся от заглавных букв или, наоборот, насажают их там, где не надо. В таких условиях любое переводческое решение, каким бы изящным, грамотным и понятным оно ни было, проигрывает в борьбе за выживание любым уродливым обрубкам.

Ну и в-третьих, легкий налет экзотичности, присущий таким словосочетаниям, завоевывает очень многие нестойкие сердца. Увлечение иностранно звучащими сочетаниями заметно и в самых неожиданных сферах. Так, в подмосковном городе Балашиха относительно недавно открыли одноименный ледовый дворец. Дорожный знак, указывающий на поворот с Горьковского шоссе в сторону дворца, гласит: «БАЛАШИХА АРЕНА». Как говорится, без комментариев.

А что по предлогам?

Если говорить о синтаксисе на уровне словосочетаний, то следовало бы затронуть вопрос предлогов и особенностей их употребления. Складывается впечатление, что предлоги, особенно наиболее распространенные, ускользают от внимания как переводчиков-практиков, так и переводоведов. Однако неудачное употребление предлогов в переводе встречаются часто и довольно существенно искажает языковой спектр. В начале статьи я вскользь упомянул о том, что под влиянием английского языка предлог *для* все чаще встречается в несвойственном ему значении. Здесь мне бы хотелось обсудить этот вопрос подробнее, а для этого необходимо разобраться, какое, собственно, значение предлоги *для* и *for* имеют в своих языках. Приводить полные словарные статьи из словарей я в целях экономии места не буду, однако наиболее «проблемными» мне представляются следующие значения:

Для

- 1) Употр. при указании на цель совершения действия. // Употр. при указании на назначение, предназначение предмета.

¹ Профессиональные термины вроде *вакуум-насос*, сложные единицы измерения вроде *грамм-молекула* и другие исключения немногочисленны, а главное – имеют узкопрофессиональную сферу употребления.

- 2) Употр. при обозначении лица, группы лиц, которым что-л. предназначается, по отношению к которым что-л. совершается. // Употр. при обозначении лица, предмета и т. п., в интересах, в пользу которого что-л. совершается.
- 3) Употр. при обозначении лица, группы лиц, по отношению к которым имеет силу какое-л. качество, состояние и т. п. // Употр. при указании на несоответствие какого-л. явления, события, качества и т. п. кому-, чему-л.¹.

For

2 g : in order to obtain <write for a free catalog> or gain <work for a living>

10 a : as regards : in respect to : CONCERNING <a stickler for detail> <so much for that topic> <true for all I know> <safe for the present> <good country for deer>

b : in proportion to <tall for his age> : **taking into account : CONSIDERING** <very cool for May> <that was a good score for him>²

Сопоставлять словарные значения *for* и *для* довольно трудно, так как американский словарь дает значения предлога гораздо более подробно, чем русский, однако некоторые выводы сделать можно. Основные злоупотребления предлогом *для* можно занести в две категории. В первом случае предлог используется в значении, зафиксированном у *for* под номером 2g, – «с целью получить/добиться». Вполне нормативны английские фразы типа *Use this toothpaste for whiter, healthier teeth* или *The manufacturing process was optimised for the best quality*. Но русские фразы вроде *Используйте эту зубную пасту для белых, здоровых зубов* или *Производственный процесс был оптимизирован для наилучшего качества* звучат неуклюже и безграмотно. И тем не менее подобные построения встречаются все чаще: зарождаясь в недрах недопереведенной рекламы и потихоньку разрушая синтаксические каналы русского языка не хуже, чем кариес разрушает каналы зубов.

Можно возразить: русский предлог *для* тоже может указывать на цель совершения действия (см. значение 1). Однако цели бывают разные. В русском языке после употребленного в таком значении *для* ожидаешь увидеть существительное, указывающее на действие, процесс (*прибыл для подписания бумаг, создан для борьбы с преступностью*). Когда же после *для* стоит, как в английском, существительное, указывающее не на процесс, а на сам результат, то синтаксический смысл предлога *для* оказывается затуманенным и даже кажется, что он использован в значении 2. Т.е. сочетание *зубная паста для белых зубов* в соответствии с нормой и узусом русского языка можно и нужно понимать так, что эта паста предназначена для белых зубов, что по сути противоположно смыслу аналогично построенной английской конструкции.

Нарушения второй категории менее очевидны и потому более распространены. Речь идет об употреблении *для* в качестве эквивалента *for*, когда английский предлог использован в значениях группы 10. Как видим, и эти случаи можно объяснить тем, что русский предлог тоже может указывать на лица или предметы, по отношению к которым имеет силу некое качество, состояние и т. п. Однако частотность употребления предлогов *для* и *for* в таком смысле в русском и английском языках не совпадают. Переводя с английского на русский, переводчики

часто пишут так:	хотя вполне можно было так:
Для часовщика не составляет особого труда отрегулировать часы так, чтобы погрешность хода стремилась к нулю.	Часовщику нетрудно отрегулировать часы так, чтобы погрешность хода стремилась к нулю.
Но для механизмов высокого класса амплитуда	Но у механизмов высокого класса амплитуда

¹ Большой академический словарь русского языка. Т. 5. – М., С-Пб.: Наука, – 2006. – С. 139

² Webster's Third New International Dictionary. – Springfield: Merriam-Webster, 1993. – P. 886

таких колебаний значительно меньше.	таких колебаний значительно меньше
Как правило, часы настраивают для 2, 3, 4, 5 или 6 положений.	Как правило, часы настраивают в 2, 3, 4, 5 или 6 положениях.
Почему для вас было важно самостоятельно производить механизмы?	Почему вам было важно самостоятельно производить механизмы?
Для самого известного в мире миллиардера, создающего программное обеспечение, есть и другая, менее приятная сторона.	Быть самым знаменитым в мире компьютерным магнатом и миллиардером не очень-то легко.
У владельца группы, Эфраима Гринберга, уже был для «Эбель» план.	У владельца группы, Эфраима Гринберга, уже были виды на «Эбель».
Именно о нем мы подумали, когда выбирали первых кандидатов для списка будущих лидеров часовой промышленности.	Именно о нем мы подумали в первую очередь, когда выбирали главных кандидатов на роль будущих лидеров часовой промышленности

Казалось бы, с каждым вариантом из левого столбца можно по отдельности согласиться. Но все вместе они придают переводному тексту неестественное звучание. Это и неудивительно: когда все многообразие возможных решений (предлоги *у, в*, дательный падеж и т. д.) сводится к одной конструкции с *для*, языковой спектр не может не исказиться. Если переводчики и люди других профессий, находящиеся под влиянием английского языка, не перестанут использовать *для* не по назначению, этот предлог рискует превратиться в такую же безразмерную и безликую связку, как пресловутый предлог *по*, который, кажется, утратил всякий самостоятельный смысл (как, например, во фразе *Что по деньгам? вместо Сколько стоит?*).

Напоследок хотелось бы сказать еще об одном предлоге-многостаночнике – *с*. А точнее – о тех случаях, когда конструкции, вводимые этим предлогом, имеют обстоятельственное значение причины или сообщают о дополнительном факте, зачастую в целях иллюстрации основной мысли. Английский предлог *with* в таких функциях действительно используется:

With

7 b : by means of : by the use or agency of : THROUGH

c : by the presence, addition, or contiguity of

d : as a result of : in consequence of : because of

8 b used as a function word to indicate a related or supplementary fact or circumstance¹

Что касается русского *с*, то он, если верить Большому толковому словарю русского языка под ред. С.А. Кузнецова, обстоятельство причины (способа) вводить не может. Также не могут *с* помощью *с* присоединяться дополнения, указывающие на дополнительные факты. Но, если верить некоторым переводчикам, ничего невозможного нет:

Прошлогдняя «Ривьера XXL» выглядит просто роскошно с тем малым количеством золота, которое вы так удачно использовали.	Прошлогдняя «Ривьера XXL» выглядит роскошно при том, что золота в ней на самом деле немного.
Кроме того, мне нужен был турбийон, потому что с турбийоном мои часы стали бы по-настоящему серьезными именно как часы, и одновременно уникальными с точки зрения эстетики.	Кроме того, мне нужен был турбийон, потому что турбийон, с одной стороны, – признак часовой состоятельности, а с другой – создает особую эстетику.
Заводная головка и кнопки в них титановые	Заводная головка и кнопки в них титановые

¹ Webster's Third New International Dictionary. – Springfield: Merriam-Webster, 1993. – P. 2626

либо из розового золота. Со своим калибром 753 эта модель – настоящая находка для профи, сражающихся по всему миру на площадках для игры в поло.	либо из розового золота, внутри – калибр 753. Эта модель – настоящая находка для профи, сражающихся по всему миру на площадках для игры в поло.
Так чем же хуже обычные часы и секундомеры? Да хотя бы тем, что с ними тяжелее следить за оставшимися драгоценными минутами.	Так чем же хуже обычные часы и секундомеры? Да хотя бы тем, что по ним тяжелее следить за оставшимися драгоценными минутами.

Не будем долго разбирать эти и подобные им ошибки: картина примерно такая же, что и с предлогом *для*. Под влиянием английского словоупотребления русский предлог начинает использоваться в несвойственных ему функциях, что искажает характер синтаксической связи между элементами предложения. Вместо обстоятельства причины или сообщения о дополнительном факте в таком предложении видим указание на совместное действие или принадлежность одного другому.

Наверное, может возникнуть вопрос: неужели неправильное употребление предлогов или подлежащих в обстоятельственных значениях – это самые главные беды перевода? Есть ли смысл «ловить блох», когда вокруг полно переводов, по которым прыгают целые медведи? На мой взгляд, смысл есть. Смехотворность откровенно плохих переводов очевидна всем. В русском языке они порождают чудовищ, но чудовища эти в силу своей экзотичности не особенно живучи. Те же синтаксические искажения, о которых идет речь в настоящей статье (и многие другие подобно рода), малозаметны и по отдельности довольно безобидны. Но, проникая из переводов в оригинальные тексты, они понемногу обедняют язык, затуманивают смысл, стирают границы между стилями. А когда нет границ и неясен смысл, тогда нет потребности и в профессиональном переводчике: поставить русские слова в иноязычные конструкции может и машина.

Хотелось бы также верить, что продемонстрированный здесь подход к анализу синтаксиса будет взят на вооружение переводчиками-практиками, которых ежедневно подстерегают десятки подобных синтаксических ловушек и соблазнов. Часто приходится слышать, что четких критериев оценки качества перевода нет и что в конечном счете все решается тем, «звучит» ли перевод или «не звучит». Но перевод – не настройка пианино впотымах и чем придется. И концепция переводческой адекватности, дополненная полноценным сопоставительным анализом, как раз и дает переводчику тот инструмент-камертон, с помощью которого можно сделать так, чтобы «звучало» всегда.